

ОСВОЕНИЕ МАЛАГАСИЙСКИХ РЕАЛИЙ СРЕДСТВАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ МАЛАГАСИЙЦЕВ-ФРАНКОФОНОВ)

И. Л. Бузук

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь)

Поступила в редакцию 10 декабря 2015 г.

Аннотация: статья посвящена изучению проблемы освоения малагасийских реалий средствами французского языка на примере романов малагасийцев-франкофонов. Реалии рассматриваются в аспекте теории реноминации с использованием в рамках данной теории терминологии: R-реалии (артефакт, натурфакт), C-реалии (ментефакт), L-реалии (номинативные единицы, обозначающие культурные предметы / культурные концепты).

Ключевые слова: *реалия, реноминация, R-реалии, C-реалии, L-реалии, лингвокультура.*

Abstract: *this article deals with the problem of mastering of Malagasy realias by means of French language in the novels of Francophone Malagasy writers. The realias are analyzed in terms of the theory of renomination utilizing the following terms: R-realias (artifact, nature fact), C-realias (mental fact), L-realias (nominations denoting cultural objects or cultural concepts).*

Key words: *realia, renomination, R-realias, C-realias, L-realias, linguoculture.*

Представления и знания человека об окружающем мире находят свое отражение и фиксируются в языковой форме. Немаловажную роль здесь играет культурный компонент. «Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи» [1, с. 19]. Следовательно, язык выступает средством накопления и хранения культурной информации.

Несмотря на тот факт, что мир един для всего человеческого сообщества, каждый отдельный этнос воспринимает и кодирует предметы и явления по-своему, в соответствии с выработанными в социуме представлениями о данном классе предметов. Получается, что каждый этнос имеет субъективный образ некоего предмета или явления, который не совпадает в точности с образом того же предмета у другого этноса.

Различия в реальном мире приводят к тому, что в каждом языке образуется некий пласт лексики, обозначающий предметы и явления действительности, специфические только для определенной языковой общности и, следовательно, не имеющие эквивалентов в других языках. Слова-реалии, отражающие в своей совокупности специфику определенной культуры, являются ярким тому подтверждением.

Проблема освоения реалий сложна и многоаспектна. Правомерным было бы начать анализ языкового материала с рассмотрения вопроса о типах существ-

вующих реалий и экстралингвистических факторов, которые привели к диалогу малагасийской и французской культур.

В рамках данного исследования мы опираемся на концепцию, разработанную Н. А. Фененко и А. А. Кретовым, и пользуемся разработанной ими классификацией типов реалий в аспекте теории реноминации [2]. Согласно этой концепции, вопросы, связанные со спецификой реалий, рассматриваются в триаде «семантического треугольника» (предмет–понятие–слово). Для обозначения каждой из этих сторон реалии используются специальные термины: R-реалии (от фр. *réalité* – действительность) – для обозначения предметов реальной действительности (артефактов, натурфактов); C-реалии (от фр. *concept* – понятие, концепт) – для обозначения культурных концептов и L-реалии (от фр. *lexème* – слово) – для обозначения языковой номинации [3, с. 5].

В свою очередь, под реалией понимается «языковой знак, обозначающий свойственный одной культуре и отсутствующий в другой натурфакт/артефакт, отличающийся вещностью денотата, а также ментефакт, определяющий моральные, художественные ценности нации и черты ее национального менталитета» [4, с. 10].

На сегодняшний день в лингвистике наметилась тенденция к более полному изучению специфики функционирования французского языка в Африке и описанию взаимодействия языков и культур [5]. Для нас особый интерес представляет взаимодействие французской и малагасийской лингвокультур.

Экстралингвистическая ситуация, на фоне которой начали взаимодействовать эти две культуры, видится таковой: французская экспансия на территорию Мадагаскара и последующая колонизация местного населения стали одной из причин распространения французского языка в колонизованной стране, языкового контактирования и взаимовлияния языков и культур [6].

Колониализм наложил глубокий отпечаток на развитие малагасийской литературы. Чтобы донести свое слово до мировой общественности, малагасийским литераторам, находившимся в условиях искусственной изоляции острова от внешнего мира, пришлось писать на французском языке.

В частности, сильное влияние французской поэзии испытывал на себе классик Мадагаскара Жана-Жозефа Рабиаривелу, писавший на двух языках: малагасийском и французском. Роман этого писателя-франкофона «L'interférence», а также роман другого выдающегося малагасийца-франкофона Мишеля Ракутусуна «Elle, au printemps» послужили материалом для настоящего исследования.

Творчество писателей-билингвов, которые выросли в одной культуре, но владеют двумя языками, представляет большой интерес, поскольку у них одновременно сосуществуют две языковые картины мира. В то же время художественный текст является неким фрагментом национально-культурной картины мира лингвокультурной общности [7, с. 150].

В свое повествование авторы включают реалии малагасийской действительности, выступающие в качестве маркеров «чужой» культуры по отношению к французской культуре. Подавляющее большинство малагасийских реалий, которые употребляются в анализируемых нами романах, незнакомы французскому читателю и, по сути, являются не освоенными французской лингвокультурой. Они отражают различия в категоризации и концептуализации мира французской и малагасийской лингвокультур, выделяя как их общие, так и национально-специфические черты [8, с. 8].

Также стоит заметить, что небольшое количество переводов произведений с малагасийского языка на французский в той или иной степени свидетельствует о малой степени освоенности малагасийской действительности французской лингвокультурой.

Рассмотрим подробнее особенности процесса освоения французским языком малагасийской действительности.

Описывая неосвоенную, непринятую, «чужую» материальную реальность (R-реалии), авторы вводят в свое повествование L-реалии (лексические единицы, представляющие собой транскрибированные/транслитерированные малагасизмы). Например:

*D'autres jeunes filles partaient visiblement pour la première fois, l'ourlet de la jupe mal repassé, accrochées à Maman qui s'essuyait les yeux dans un coin de son grand **lamba blanc** (Другие девушки уезжали, видимо, впервые: кайма их юбок была плохо выглажена; они вцепились в мать, вытирающую слезы уголком своей большой белой **ламбы**)* (здесь и далее перевод с французского наш. – И. Б.) [9, р. 9].

Малагасийская реалия *lamba* не освоена французской лингвокультурой, о чем свидетельствует отсутствие этой лексической единицы в толковых словарях французского языка. При этом в своем тексте малагасийский автор не раскрывает содержания «чужой» реалии, вводит ее без пояснения значения.

Лишь обратившись к малагасийско-французскому словарю Абиналя и Мальзака, узнаешь, что речь идет о традиционной малагасийской одежде:

«L'AMBVA, s. Tous les tissus en laine, en soie, en coton, en chanvre, en Rofia, dont les Malgaches se drapent le corps» (Все шерстяные, шелковые, хлопковые ткани, а также ткани из волокон конопли и листьев пальмы рафия, которые малагасийцы оборачивают вокруг тела) [10].

Итак, описание чужой действительности осуществляется путем введения «чужой L-реалии», позволяющей сохранить по максимуму национально-культурный колорит, но это не обеспечивает его понимание французским читателем.

При исследовании процесса освоения французским языком малагасийской действительности стало возможным выявление следующей особенности: отсутствие систематичности при графическом воспроизведении «чужой» реалии в языке-реципиенте.

Все та же реалия *lamba* в романе Ж.-Ж. Рабиаривелу предстает уже в другом графическом облике:

*Il avait aussi appris, lors de son voyage, un autre artifice: la voile de boutre déployée, sans doute d'origine arabe, que figurait son **lambe** enlaçant ses bras au bout desquels pendait une frange terminée en éventail entrouvert (Во время своей поездки он также познал и другое мастерство: распущенный парус одномачтового судна, несомненно арабского происхождения, изображенный на обвивающей руки **ламбе**, с краев которой свисала бахрама, напоминающая приоткрытый веер)* [11, с. 36].

Другим ярким примером отсутствия унификации в написании реалий малагасийской культуры является следующий фрагмент:

*Mais elle n'eut plus aucune envie de la méfiance et de la crainte, son voisin avait l'air sympathique, elle pouvait enfin raconter le crépuscule des Hauts Plateaux, l'embrasement bref de toutes les collines, le chant des **kabossa**, ces luths que les jeunes garçons créaient eux-mêmes, et la dignité des siens, qui avaient tellement faim*

(У нее не было уже ни чувства недоверия, ни чувства страха, сосед казался ей приятным человеком; она могла, наконец, рассказать о закате на Высоком Плато, о зареве над холмами, о пении **кабуси**, этих лютен, которые молодые люди делают сами, и о достоинстве своих земляков, которые так голодают) [9, с. 86].

Малагасийско-французский словарь дает следующее толкование: «*Kabòsy* s. Sorte de mandoline, de petit luth» (вид мандолины, небольшой лютени) [12]. Возможны и другие варианты написания: «*Le kabosy, kabosse* ou *kabossy* est un instrument de musique á cordes de Madagascar. C'est une petite guitar rustique très ancienne» (струнный музыкальный инструмент Мадагаскара. Это маленькая старинная деревенская гитара) (Wikipédia).

Все это дает основание утверждать, что орфографический разноречие является признаком слабой освоенности французским языком подобных реалий и свидетельствует о том, что слово находится в процессе адаптации.

Весьма интересным примером освоения малагасийских реалий французским языком является следующий отрывок из романа:

*Et la France était en l'occurrence un hall immense, entouré de portes vitrées et bondé de gens qui allaient et venaient l'air affairé, marchant vite et parlant doucement sans regarder personne, tous très bien habillés, chaussures bien cirées et imperméables sous le bras, d'autres encore portaient d'un air profondément ennuyé un sac plus au moins petit, et personne n'avait de **soubiques**, de paniers ou de marmailles accrochées à ses basques... (В этом случае Франция была огромным залом с застекленными дверьми полным озабоченно снующими людьми, идущими быстро, разговаривающими тихо, не глядя на собеседника – все хорошо одетые, с начищенной обувью, плащами в руках; иные – с большой скукой на лице и небольшой сумочкой, но ни у кого не было ни **корзин**, ни детей, привязанных полотном к спине...)* [9, р. 31].

В данном случае описание малагасийской реальности средствами французского языка осуществляется по типу «чужая R-реалия → чужая L-реалия». Автор опять же вводит в свое повествование «чужую» реалию без каких-либо пояснений и сносок. В малагасийско-французском словаре находим следующую дефиницию: «*SOVİKA*, s. Grande corbeille» (большая корзина) [10].

При этом на лицо «офранцузивание» лексической единицы, написание в соответствии с правилами французского языка. Известно, что у малагасийцев звуки в основном соответствуют своим латинским обозначениям. Лишь произношение некоторых отличается. Буква «o» читается как русское [y] [13, с. 181].

Во французском же языке [u] соответствует буквосочетание OU, этим, очевидно, и объясняется преобразование *so* → *sou*. Французский суффикс *-ique* является следствием транскрибирования *-IK-*.

Порой значение незнакомых читателям малагасийских реалий становится относительно ясным благодаря синтагматическому окружению слова – *les joueurs de Valiha chantaient*.

*Et dans cette éternité-la, retrouverait-elle Neny, sa grand-mère, si menue, si têtue, qui lui racontait les histoires de l'ancien temps, le temps où Madagascar était une royauté, le temps où les joueurs de Valiha chantaient: «Raha manina anay ianareo, di any masoandro jerena... Si tu penses à nous avec nostalgie, regarde le soleil...» (И в этой вечности, встретит ли она Нени, свою бабушку, такую хрупкую и такую упрямую, которая рассказывала ей истории былых времен, когда Мадагаскар был еще королевством, когда игроки на **валихе** пели «Raha manina anay ianareo, di any masoandro jerena... Если ты думаешь о нас с ностальгией, посмотри на солнце...»)* [2, с. 16].

Из контекста можно догадаться, что здесь упоминается музыкальный инструмент. Малагасийско-французский словарь подтверждает догадку: «*VALİHA*, s. Instrument de musique fait avec un gros bambou, dont l'écorce soulevée, partagée et placée sur des chevalets, forme les cordes qu'on touche comme celle de la guitare» (музыкальный инструмент из прочного бамбука, над корпусом которого приподняты небольшими подставками струны, перебираемые пальцами, как на гитаре) [10].

Все перечисленные выше примеры свидетельствуют, что «важнейшим способом отражения «чужой» культуры является использование опыта другого социума по освоению внеязыковой действительности» [3, с. 43]. Результаты этого способа находят отражение в лексике языка: из языка-источника (в нашем случае малагасийского) языком-реципиентом (французским) заимствуется L-реалия (новая лексическая единица). Этому процессу сопутствует орфографическое освоение, когда иноязычное слово передается средствами французской графики и морфологическое освоение, когда слову приписываются морфологические характеристики французского языка [14, с. 80].

В ходе анализа эмпирического материала обнаружены случаи, когда для обозначения слов, представляющих явления или предметы, не известные французам, отсутствующие в их социокультурном опыте, используется L-реалия, представляющая R-реалию через C-реалию. При этом C-реалия выступает в форме развернутой экспликации, представленной в сносках.

В качестве примера можно привести следующий фрагмент из романа:

*Quelques heures après, suivi de sa famille entière et de ses esclaves chargés de tous ses biens mobiliers, il était parvenu sur son **filanjane** à l'endroit où, pour la dernière fois, on peut voir la Capitale (Снустя несколько часов в сопровождении всей своей семьи и рабов, несущих все его имущество, он добрался в **портшезе** до места, где впервые можно увидеть Столицу)* [11, p. 20].

На этот раз автор раскрывает содержание «чужой» реалии (R-реалии) с помощью сноски, поясняющей значение данной лексической единицы и помещенной внизу страницы: «*Filanjana: chaise à porteurs*» (носилки; портшез, паланкин).

Порой помимо экспликации незнакомого слова через сноску автор предлагает комментарий по ходу своего повествования, который по сравнению со сноской дает более полное представление о «чужой» действительности. Например: *L'issue de cette instruction, qui avait fini, bien souvent, pour tant d'autres accusés des deux sexes, par la peine capitale, n'étonnera personne: munie de chaudes et discrètes recommandations pour qu'on ne lui administrât qu'une dose bénigne du poison ordalique, la belle chrétienne fut soumise à l'épreuve du **tanguin** (Исход этого наказания, которое довольно часто заканчивалось для других обвиняемых обоего пола смертью, никого не удивит: горячо желая, чтобы ей предписали всего лишь одну неопасную дозу яда, красивая христианка подверглась испытанию **тангином**)* [11, p. 19].

В романе сноски носят исключительно информационный характер и являются предельно краткой: «**tanguin**: poison d'ordalie» (ордалия ядом). В малагасийско-французском словаре рассматриваемая лексическая единица представлена следующей дефиницией: «**TANGÉNA**, s. L'arbre appelé tanguin, son fruit amer. *Tanghinia venenifera Madagascariensis*» (дерево тангин, плод которого горек) [10].

Выходит, что автор в большей степени раскрывает черты «чужой» реалии, тем самым обогащая когнитивный багаж читателя. Из контекста становится ясным, что речь идет об испытании отравленной пищей (*l'épreuve du tanguin*) и о нескольких дозах, если исходить из следующего: героиня надеется, что в ходе испытания ей предпишут только лишь одну дозу отравленной пищи (*qu'on ne lui administrât qu'une dose bénigne du poison ordalique*). Позволим себе дать более полное описание этого обычая: «**тангин** – обычай божьего суда, распространенный на Мадагаскаре во время господства племени *мер'ина*. Согласно этому обычаю, орех **тангина** растирался в порошок, который закатывали в три куса куриной кожи. Шарики поливались банановым соком, и тот, кого судили, проглатывал их. Родители тут же поили его рисовым отваром до тех пор, пока у него не началась рвота. Если человеку удавалось извергнуть

все три шарика, его признавали невиновным» [15, с. 46].

Таким образом, описание малагасийской реальности средствами французского языка может осуществляться по типу «чужая R-реалия → чужая L-реалия + своя C-реалия». В результате сохраняется национальный колорит текстового фрагмента, а читатель имеет возможность пополнить свой когнитивный багаж за счет информации, эксплицированной в сносках. Сноски становятся «важнейшим средством, создающим дополнительное информационное поле, которое декодирует значение реалии и элиминирует лауну, тем самым формируя и направляя восприятие произведения читателем» [16, с. 23].

Анализ эмпирического материала также показал, что описание малагасийской реальности средствами французского языка может осуществляться по типу «чужая R-реалия → чужая L-реалия + своя R-реалия».

Выделив курсивом неизвестное французам слово *fanorona*, вероятно, с целью привлечь к нему внимание и не позаботившись об его экспликации в сносках, автор, тем не менее, для разъяснения значения «чужой» малагасийской действительности апеллирует к французской действительности. Подобный прием «позволяет компенсировать культурологическую лауну путем сближения чужого денотата со своим» [17, с. 12]. Например: *Cependant, ayant un faible particulier pour le jeu de **fanorona**, qui est une sorte de jeu de dames mais plus compliqué et nécessitant jusqu'à la fin la plus parfaite présence d'esprit et le plus rapide coup d'œil, le jeune maître, taciturne ce soir, avait choisi un vieil esclave réputé le meilleur joueur (Тем не менее, испытывая особую слабость к игре **фануруна** – разновидности игры в шашки, но более сложной и требующей до самого своего конца безупречной сообразительности и самой быстрой реакции, молодой хозяин, этим вечером немногословный, выбрал себе соперника – старого раба, почитавшегося лучшим игроком)* [11, с. 58].

Чужая R-реалия **FANORONA** в малагасийско-французском словаре зафиксирована следующим образом: «*grand jeu de marelle*» (игра, которая заключается в продвижении фигурок на диаграмме в соответствии с установленными правилами) [10]. Для экспликации чужой лингвокультурной реалии автором использована освоенная и более известная французам реалия – *jeu de dames* (игра в шашки).

Следовательно, значение чужой реалии раскрывается путем использования номинации французской R-реалии, денотат которой близок денотату чужой R-реалии. Процесс освоения заключается в замене неосвоенной малагасийской R-реалии другой, известной носителям французской лингвокультуры. Столь редкое введение в текст повествования R-реалий в

очередной раз свидетельствует о несводимости французской и малагасийской культур [8, с. 9].

Таким образом, процесс освоения малагасийских реалий средствами французского языка в текстах малагасийцев-франкофонов предполагает существование разнообразных способов ознакомления читателя с «чужими» реалиями. Это может быть и заимствование «чужой» лексической единицы (L-реалия), экспликация чужой действительности в тексте или же ее объяснение в сносках (С-реалия). Наименее частотным случаем стал прием наложения «своей» культурно-языковой картины мира на «чужую» действительность, где происходит поиск эквивалентной реалии во французской культуре (R-реалии).

Факт высокой концентрации L-реалий в романах малагасийцев-франкофонов можно объяснить желанием авторов сохранить малагасийский колорит и выделить национально-специфические черты малагасийской лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур : вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2008. – 342 с.
2. *Кретов А. А.* Реноминация как проблема переводоведения / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 154–157.
3. *Фененко Н. А.* Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации / Н. А. Фененко [и др.] ; под ред. Н. А. Фененко, А. А. Кретова. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 220 с.
4. *Кретов А. А.* Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 7–13.
5. *Багана Ж.* Судьба европейского языка в Африке (социолингвистические и лингвокультурологические особенности французского языка в Конго) / Ж. Багана ; под ред. В. Т. Клокова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 192 с.
6. *Буато П.* Мадагаскар : очерки по истории малагасийской нации / П. Буато ; под ред. Ю. Н. Панкова. – М. : Изд-во вост. лит-ры, 1961. – 436 с.
7. *Уланович О. И.* Реалии как единицы художественного перевода в контексте теории реноминации / О. И. Уланович // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22–23 октября 2015 г.) / редкол. : О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Издатель А. Н. Вараксин, 2015. – С. 150–156.
8. *Воронкова И. С.* Лингвистическое освоение чужой действительности (на примере русско-французских языковых процессов рубежа XVIII–XIX веков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. С. Воронкова. – Воронеж, 2011. – 24 с.
9. *Rakotoson M.* Elle, au printemps. – Paris : Sépia Poche, 1996. – 122 p.
10. *Abinal A., Malzac V.* Dictionnaire malgache-français : Mission catholique de Tananarive, Madagascar. – Ed. Maritimes et d'Ourte-Mer, 1955. – 876 p.
11. *Rabearivelo J.-J.* L'interférence. – Paris : Hatier, 1987. – 203 p.
12. *Rajaonarimanana N.* Dictionnaire du malgache contemporain : malgache-français / français-malgache. – Paris : Ed. Karthala, 1995. – 403 p.
13. *Карташова Л.* МАДАГАСКАР и Я / Л. Карташова. – М. : Экон-Информ, 2011. – 272 с.
14. *Кретов А. А.* Малагасизмы в русском языке / А. А. Кретов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 80–91.
15. Сказки Мадагаскара / пер. с фр., предисл. и коммент. Ю. С. Родман ; рисунки Ж. де Лоншан. – М. : Наука, 1965. – 270 с.
16. *Козлова В. В.* Метатекст во французских переводах произведений М. А. Булгакова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Козлова. – Воронеж, 2013. – 24 с.
17. *Зырянова М. В.* Реноминация лингвокультурных реалий (на материале французских переводов пьес А. П. Чехова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Зырянова. – Воронеж, 2011. – 24 с.
18. Larousse. Dictionnaire de français. – Mode of access: www.larousse.fr/dictionnaires/francais

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь)

Бузук И. Л., преподаватель кафедры романо-германской филологии

E-mail: kassarechi@mail.ru

Тел.: (373) 777-000-21

Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko

Buzuk I. L., Lecturer of the Romance and German Philology Department

E-mail: kassarechi@mail.ru

Tel.: (373) 777-000-21